

МАРИАННА КРАСОВСКАЯ

16+

ЦИТАДЕЛЬ:
ДОЧЬ ТЬМЫ

Марианна Красовская

Цитадель: дочь тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67638986

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда среди эльфов встал вопрос, кого отдать в жены юному вождю орков, сомнений не было: выродка, бракованную эльфийку, темную. Никто не спросил ее, чего хочет она сама, никто не дает права выбора. Но война между силами Света и силами Тьмы расставляет всё на свои места – Соломея и ее жених оказываются по разную сторону от Цитадели, стоящей на границе земель эльфов и орков. Вроде бы всё получается так, как она хотела, но сердце рвется к нелюбимому, который уже забыл ее, но зовет ее в снах...

Содержание

Глава 1. Странник	4
Глава 2. Один из миллиона миров	11
Глава 3. Цитадель	21
Глава 4. Настоящее	26
Глава 5. Мать	36
Глава 6. Темный эльф	43
Глава 7. Встреча с отцом.	49
Глава 8. Вождь орков	54
Глава 9. Предчувствия	63
Глава 10. Ветер странствий	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Марианна Красовская

Цитадель: дочь тьмы

Глава 1. Странник

В заброшенных катакомбах было темно, но сухо. Пожалуй, воды было слишком мало. Мужчина, который брел по беспрестанно роящимся коридорам, то и дело облизывал потрескавшиеся губы. Услышав в одном месте стекающий по стене тонкий ручеек, он хриплым, едва слышным шепотом возблагодарил Всевышнего и приник к стене ртом, пытаясь собрать как можно больше драгоценной влаги. Он хотел бы остаться здесь вечно.

Но у если воду еще как-то можно было найти, то еды здесь не было никакой: даже крысы не водились. Его мешок опустел больше недели назад. Может, меньше – он уже потерял счет дням. Он даже не знал, в каком мире находится. Одно было однозначно: катакомбы строили гномы. Только у них могла быть такая чистота и качество отделки. Давно заброшенные ходы оставались в идеальном состоянии, не было ни лишайников, ни затхлости.

Надо было двигаться вперед: мужчина чувствовал, что выход недалеко. Он очень ослаб, ноги были стерты в кровь.

Усталость не проходила даже после сна. Усталость была привычна: скитаясь по чужим мирам, он много раз не мог даже молиться от истощения. Но сейчас было хуже. Порой хотелось просто лечь и умереть.

Был бы человеком – давно бы уже подох как собака. Но он был эльфом, хотя по нему это сложно это было понять. Мужчина давно обрезал волосы под корень. Родовые знаки на лбу и висках потускнели и полустерлись. А эльфом он и раньше был неправильным, отчего и попал в такую передрагю.

Мужчина любил подземелья. Он чувствовал себя здесь в своей тарелке. Но гномьи коридоры низкие, тесные. Света нет – откуда он под землей? Темно, тесно, да еще и холодно, как в могиле. Так и клаустрофобию можно заработать.

Эльф прислонился к стене, пытаясь побороть внезапное головокружение. Сердце колотилось где-то в горле. А что, если он здесь умрет? Никогда больше не увидев небо? Сады Озерного Края? Облачную чащу? А ведь он обещал к НЕЙ вернуться! Кто бы знал, как трудно исполнить обещанное...

Приступ паники прошел так же внезапно, как и начался. Более того, он принес только пользу. Эльфу показалось, что тьма вокруг стала чуть мягче, а воздух – свежее. Сил не прибавилось, но дух, кажется, взбодрился. Мужчина пошел вперед, касаясь кончиками пальцев стены. Он хорошо чувствовал путь, знал, когда свернуть, когда пригнуться, когда перешагнуть через камень. Спустя маленькую вечность он остановился, прислушался и рассмеялся беззвучно – где-то свер-

ху слышались голоса.

Он закричал, но из сорванного горла вырвался лишь хрип. Не надо было орать и плакать раньше. Не надо было петь из последних сил. Так его не услышат. Он поднял камень и, примерившись, ударил по стене. Послышался треск. Удар был слаб, но интуитивно мужчина нашел то самое место. Он стучал по стене камнем, выдыхаясь, то и дело попадая по пальцам, едва не плача от того, что сил не было. Три быстрых удара. Три удара с длинными паузами. Снова три быстрых.

А наверху ссорились двое. Ссорились самозабвенно, громко и с удовольствием.

– Как же я тебя ненавижу! – кричала юная темноволосая девушка.

– А я тебя люблю! – в тон ей орал мужчина – темнокожий и темноглазый. – Ты вся моя жизнь, ты – моя единственная!

– У тебя есть выбор, а у меня нет! Ты же никого ко мне на перелет стрелы не подпускаешь!

– И не подпущу! – он дернул девушку за руку и прижал к голой груди. – Ты моя. Моя невеста. Моя женщина.

– Никогда я не буду твоей, запомни это!

– Договор подписан, – в голосе темнокожего слышен металл.

– Да плевать! – откидывает тяжелую гриву выющихся крупными кольцами волос девушка, словно нечаянно прижимаясь к мужчине всем телом. – Я его не подписывала. Это просто нечестно.

В ответ мужчина обхватывал тонкое лицо огромными черными руками и склонялся к нему так низко, что их носы соприкасались. Девушка закрыла глаза и надула губы, с нетерпеливым волнением ожидая поцелуя, но мужчина медлил. Она приоткрыла один глаз, потом другой и сердито сдвинула брови. Мужчина же отодвинулся и покачал головой.

– Ты это слышишь, Соль?

Девушка наклонила голову, прислушалась и неуверенно прошептала:

– Кажется, снизу. Кажется, стучат.

– И стучат осознанно. Сигнал бедствия.

– Орр, ты же не собираешься?

– Разумеется, собираюсь.

Мужчина огляделся, а потом решительно отодвинул девушку в сторону, достал из-за спины большой двуручный меч и принялся ковырять им огромный, в человеческий рост валун, издавна служивший оркам ориентиром в этой пустыне.

– Рычаг, – подсказала девушка.

Орк кивнул. Найдя небольшую трещину, он с силой вогнал меч под камень и навалился всем телом. Валун поддался неожиданно легко, мужчина даже едва не упал. Под камнем чернел колодец с металлическими скобами на стенке.

– Эй, кто там? – крикнул орк в темноту. – Живой? Сам выбраться сможешь?

Темнота прошелестела в ответ что-то непонятное и зашевелилась. Девушка пискнула и ухватилась за мускулистую руку своего "ненавидимого" спутника. Некто живой там, внизу, кажется, попытался лезть вверх, но сорвался, упал и слабо застонал.

Орк тяжело вздохнул и полез вниз. Без какого-то особого труда он выволок наружу полумертвое истощенное тело и разложил его на жесткой иссохшей земле. Тело жмурилось.

– Ему больно от света, – взволнованно сказала Соль. – Надо укрыть его глаза. И напоить. Там, внизу, с водой так же плохо, как здесь.

Орк на мгновение замер, любуясь ей. Девушка казалась ему невероятно красивой. Потом он кивнул и развязал шелковый платок с ее шеи, нежно касаясь костяшками пальцев влажной от пота девичьей кожи. От этих прикосновений Соль вся заливалась краской и дрожала, но не сопротивлялась. Платком завязали найденышу глаза, а потом Орк попытался его напоить из фляги. Вода выливалась из рта незнакомца.

– Не жилец, – прокомментировал орк.

– А разве Аарон сейчас не в Цитадели?

– Ты что, действительно считаешь, что я ради этой падали поеду за целителем? – изумился орк. – Это нерационально.

– А если я тебя попрошу? – девушка ласково коснулась плеча мужчины и заглянула ему в глаза.

Орк на это и рассчитывал. Разумеется, он не бросил бы

это... существо хотя бы потому, что сигнал SOS в их мире был неизвестен до тех пор, пока здесь не появились чужаки. Это значит, что этот тоже не местный. И может быть полезен. Но и Соль он знал хорошо – она, хоть и строила из себя невесть кого, девочка добрая. Не воспользоваться этим Орр не мог.

– Попроси, – равнодушно ответил он ей. – Только с чего бы мне тебя слушаться?

– Пожалуйста, Орр!

– А что мне за это будет? – он даже глаза прикрыл и прикусил щеку изнутри, сдерживая торжествующий вопль.

– Я позволю себя поцеловать. По-настоящему.

– С языком? – хрипло уточнил мужчина.

– С языком, – немного подумав, согласилась девушка. –

Но не всегда, один раз.

Орр сглотнул. Это было гораздо больше, чем он мог мечтать.

– Ладно, – небрежно кивнул он. – Один раз. Но сколько я хочу.

Соль кивнула и отвернулась, сдерживая улыбку. Смешной он.

Орк же закинул чужака на плечо и быстрым шагом отправился в деревню. Девушка не отставала от него.

Мужчина принес тело в свой дом, уложил в свою постель и позвал сестру, велел ухаживать за раненым. Орра-Ла, высокая, крепко сбитая орчиха с короткими кучерявыми во-

лосами, недовольно поморщилась, но возразить не посмела. Вождю вообще никто не возражает.

– А ты? – только и спросила она.

– А я в Цитадель за целителем.

– Давай я съезжу?

– Ну уж нет, – весело ответил Орр. – Я сам. Мне награда обещана.

Орра-Ла фыркнула и пошла за водой. Вместе с Соль они намочили тряпицы и обтерли чужаку лицо.

– Ты знаешь, кажется, это эльф. Как ни странно, – сказала орчиха.

– Похоже, ты права, – прошептала девушка. – Уши эльфийские. И татуировка, смотри.

Соль грустно потрогала свой лоб. Ей татуировки еще не сделали. И не факт, что они вообще будут. Слишком всё сложно.

Эльф открыл воспаленные глаза и с какой-то злостью поглядел на склонившуюся над ним девушку. Попытался приподнять голову и что-то сказать, но не вышло. Он снова обмяк, обиженно скривив рот.

Глава 2. Один из миллиона миров

Ахиор снова ошибся. Да сколько же их, этих миров! Теоретически, разломы пространства не должны были выкидывать его в мир, который он уже однажды посетил. Исключение составляет только тот мир, в котором ты родился. В него может забросить в любое время.

Ахиор побывал уже в четырех мирах. Он теперь по праву мог считать себя специалистом по разломам; вот только к цели это его не приблизило нисколько. Этот мир тоже чужой, потому что существ, подобных девушке, которую он увидел, на его родине просто не существует. Эльфы всегда светлоглазые блондины. У людей не бывает острых ушей. Орки... ну девушка явно не орк и не гном. И к темным она не имеет никакого отношения, ведь ни рогов, ни хвоста, ни алых глаз у нее нет.

Поняв, что снова промахнулся, Ахиор просто обессилел. Ему больше не хотелось жить. Невыносимо. Это невыносимо. Наверное, миров миллионы – как звезд на небе. И вернуться он просто не сможет. Прохладная влажность на лице немного его успокоила. Может быть, здесь хотя бы есть место силы? Ну хоть одно? И по новой: отдохнуть, найти какую-нибудь работу, выучить язык, изучить мир... запастись продуктами, найти разлом и шагнуть в него.

Знакомое слово вывело его из оцепенения, он не поверил

своим большим ушам, дернулся, вслушался:

– До Цитадели несколько часов езды. Потом обратно. Доживет ли? – спрашивал низкий женский голос с очаровательной хрипотцой.

– Если это эльф – доживет, – уверенно отвечал второй голос – более нежный. – Орра, а чьи знаки?

– Да черт их знает. Мутный тип какой-то, не понимаю. То ли Танцующее Пламя, то ли Багряный Лист.

– Почему они стертые?

– Я похожа на оракула? Спроси у матери.

Ахиор глубоко вдохнул – так глубоко, что в груди закололо. Цитадель! Танцующее Пламя! Багряный Лист! Господи великий и всемогущий! Дом!

– Эй, эльф, – испуганно вскрикнула орчиха. – Ты это чего? Сола, у него агония! Что делать? Я ведь не лекарь!

Но эльф не собирался умирать. Он смеялся и плакал одновременно, задыхаясь от счастья. Он дома!

Теплые сильные руки встряхнули его так, что зубы лязгнули.

– Не бей его! – вскрикнула непонятная девушка.

– Если он подохнет, Орр-Вооз меня придушит, – паниковала орчиха. – Что стоишь как статуя праматери Агары, сделай что-нибудь, ты же эльфийка.

От такого удивительного заявления Ахиор даже приоткрыл один глаз. Эльфийка? Темноволосая? Кареглазая? Да ладно! Сколько же прошло времени, если эльфы так изме-

нились?

– Вот видишь, он живой. Я его спасла, – заявила орчиха.

Ахиор хотел ответить что-нибудь ядовитое – спасительница нашлась! – но вместо этого просто провалился во тьму. Это была уютная, теплая, нежная тьма – потому что родная.

Соломея, или Сола, или, как называл ее Орт, Соль озабочено вгляделась в его лицо, но сразу поняла, что незнакомец просто уснул. Она потерла устало переносицу, поправила мужчине подушку и принялась внимательно разглядывать изможденное лицо.

Все эльфы красивы. Даже впалые щеки, искусанные в кровь губы и ввалившиеся глаза не портили совершенство лица. Волосы, если отмыть, будут белые, а не золотистые, как у большинства эльфов. Соле хотелось знать мужчин, нет, даже не так. Она хотела знать себя. По старому договору с орками, она должна выйти замуж за их нынешнего вождя Орр-Вооза. Тот охранял свою невесту, опасаясь, что она полюбит другого. Он сделал так, чтобы никаких других вокруг нее не было. Ей вообще-то нравился жених. Он ее привлекал. Но что такое любовь, она не знала.

Мурашки по спине от прикосновения ладони? Вспыхивающие щеки от похабных комплиментов? Головокружение и дрожащие колени от прикосновения горячих губ к коже за ухом? Так может, она так на всех реагирует? Не только на Орра.

Но чтобы это понять, разобраться в себе и в том, что такое

отношения между мужчинами и женщинами, неплохо было бы пообщаться с этими самыми мужчинами. А где их взять, если орки к ней подходить боятся, из эльфов она только с Ароном знакома, который ее еще ребенком на руках носил, а в Цитадели – ближайшем оплоте цивилизации – все женатые?

А тут хоть на живого (условно-живого) эльфа посмотреть довелось.

Правда, ей еще с Орром как-то расплачиваться придется, но тут уж Сола только радовалась. Он же берег ее, словно стеклянную вазу. Пылинки с нее сдувал. Лишнее себе почти не позволял, а ей, между прочим, любопытно. Очень. И что с того, что она несовершеннолетняя по законам своего рода? Эльфы, даже такие дефективные, как она, взрослеют позднее, а дееспособными и вовсе с пятидесяти считаются. До пятидесяти Сола ждать никак не могла. Это же смешно просто: если мысли и желания у нее вполне взрослые, почему она должна ждать какой-то мифической даты? Вон, хозяйка Цитадели уже в тридцать полностью самостоятельной была.

Можно конечно на это возразить, что Галла в другом мире жила, так и Соломея не в эльфийских чертогах. Орки это все же орки, у них всё по-другому. Здесь даже браков нет. Да что там браков, женщины часто не знают, кто отец ребенка! Хотя, конечно, постоянные пары уже не редкость. Это раньше, до того, как Орт-Вооз стал вождем, женщины и мужчины жили в разных деревнях и пересекались несколько раз в

году исключительно с целью продолжения рода. Но двадцать лет назад началось объединение племен под крепкую руку юного энергичного вождя, и жизнь медленно стала меняться. Впрочем, женщины здесь по-прежнему вели хозяйство и занимались выращиванием овощей и фруктов, а мужчины пили вино и мечтали о ратных подвигах.

Великий эльфийский святой прибыл к вечеру – так быстро, как только было можно. Он был очень любопытен, появление странного чужака не могло его не заинтересовать. Высокий изящный эльф бесцеремонно ворвался в дом вождя, сунул свой идеальный нос во все чашки, стоящие на столе, потребовал горячей воды, самого крепкого вина и жаровню, и только после этого присел на корточки возле раненого.

– Оп-па! – восторженно заявил он. – Эльф! Та-а-к! Вы его кормили?

– Он спал всё время. Только воду давали.

– Отлично! Он крайне истощен. Кормить осторожно. Сначала только бульон. Потом можно кашу жидкую, несколько ложек. А поить как можно больше, я оставлю трав. В целом ничего серьезного. Ногти только в мясо и ноги сбиты. Ну и переохлаждение.

Эльф задумчиво огляделся, остановил свой взгляд на Соле и оскалился радостно:

– Дорогуша, помолись за дядю.

– А чего сразу я? – испуганно раскрыла глаза девушка. –

Это вы у нас святой. А я просто... обычная.

– Тебе это нужнее, – загадочно ответил Аарон. – Давай. Ему сейчас очень не помешает молитва.

Сола закусила губу и жалобно поглядела на жениха. Тот развел руками: дескать, это ваши эльфийские дела, я-то тут при чем? Орт-Вооз, впрочем, вырос среди эльфов. Их обычай он знал и любил. Правда, свои услуги предлагать не спешил: орку и молиться? Да его сородичи засмеют!

Соломея поняла, что выхода у нее нет, опустила на колени возле чужака и сложила руки. Молилась она редко. Очень редко. Если честно, то только когда попадала на службу в Цитадели. Она не видела в этом нужды, ей и так было хорошо. Но спорить с Аароном просто смешно, да и не просил он ничего невозможного. Поэтому она просто закрывала глаза и еле слышно обращалась к Тому, кто сотворил этот мир:

– Вездесущий, помилуй дитя Свое.

На самом деле Аарон ее не слушал. Он и сам молился. Для него Бог был близок настолько, что беседа с Ним поглощала всё его внимание. Он даже не заметил, что Орт-Вооз тоже склонил голову и шевелил губами.

Ахиор из рода Танцующего Пламени очнулся внезапно, рывком – его словно за шиворот вытянули из мутной воды. Он ощутил привычную Высшую Силу. Ту энергию, которой ему так не хватало много лет. Он собирал ее по крупицам в разных мирах, а здесь словно окунулся в чистый светлый поток. Он захлебывался силой.

Пришлось открывать глаза. Слава Богу, совершенно типичный эльф. Затеяливая вязь на лбу и висках показывает, что из рода Трилистника. Однако остальные были всё же нетипичные. Темная эльфийка. И орк, у которого геометрическая татуировка вождя странным образом переплеталась со знаком рода Синиц. Бред какой-то.

– Какой сейчас год? Век? – проскрипел Ахиор. Надо же, он не разучился говорить.

Всё, что его интересовало – жива ли его жена.

– Девять тысяч триста двадцать первый, – любезно прошептал ему Трилистник. – От сотворения мира.

Ахиор выдохнул. Он отсутствовал дома больше шестидесяти лет. По меркам эльфов – смешной срок. Как будто за хлебушком вышел. Значит, все же время течет во всех мирах одинаково.

– А вы, собственно, кто? – задал безжалостный вопрос Трилистник.

– А вы имеете отношение к Трибуналу? – осторожно спросил Ахиор.

– Это смотря как рассматривать... – насмешливо шурился эльф. – Если считать, что сейчас гощу в его, так сказать, главном штабе, то, конечно, имею. Но в целом я не служу никому, кроме Всевышнего.

– Хорошо, спрошу по-другому, – поморщился Ахиор. – Ферган жив?

– И снова я вас разочарую. Скорее всего, жив. Такие твари

отчего-то очень живучи, – и, сжалившись, пояснил. – Глава Трибунала нынче – Князь Времени.

– О-о-о, – протяжно выдохнул чужак. – Аллилуйя! В таком случае, я Ахиор из рода Танцующего Пламени.

– Кто? – открыл рот от изумления Трилистник. – Вы сейчас пошутили? А ну-ка!

Он бесцеремонно обхватил тонкими пальцами лицо Ахиора и принялся его вертеть, разглядывая бледный узор на лбу.

– Ну... вроде похоже. Но вы же мертвы.

– Возможно, – согласился Ахиор. – Но ни в чем нельзя быть уверенным, знаете ли.

– Так, – нервно дернул себя за светлую косичку Трилистник. – Так. А напомните мне, что вы сделали со своим ребенком?

– Всё, что мог, – отвел глаза Ахиор. – То ли погубил, то ли спас. Я отнес дочь в разлом. Украл у матери и отнес. Во Второй мир.

– А там?

– А там потерял. Я никудышный отец.

– Ясно. Прежде чем вы начнете сходить с ума, а я вижу, вы уже собираетесь, я хочу вам сказать: жену Князя Времени зовут Галла, и она из Пустого мира, который вы назвали вторым.

Ахиор подскочил, впился острыми худыми пальцами в плечи целителя и встряхнул его.

– Ты не лжешь?

– Но-но! Я эльф! Эльфы не лгут!

– Все лгут. Особенно охотно лгут себе.

– Всё. Теперь я верю, что вы с Галкой – родственники!

Это ее любимая фраза, – Трилистник закивал головой с таким энтузиазмом, что она грозила отвалиться. – Слушайте, отпустите меня. Вы же только что помирали!

– Еще один вопрос: а что с Иафиль? Вы знаете, что с ней? Я понимаю, что Трилистники на границе, а Лесное Озеро ближе к горам, но...

– Не нервничайте, конечно, я знаю, что с вашей женой... вашей бывшей женой, кстати.

– Перед эльфами, возможно, и бывшей, – обессиленно откинулся на свое ложе Ахиор. – А перед Богом – у меня другой никогда не было и не будет.

– Вы любите ее?

Странный эльф с неровно остриженными волосами уставился на Аарона с таким недоумением, что тому даже сделалось неловко. И в самом деле, глупости спрашивает. Конечно, отец Галлы любит. Можно ведь взглянуть на саму Галку: она и не смотрит ни на кого, кроме своего мужа.

– Я всегда любил ее одну, – наконец, сказал Ахиор. – Она в порядке?

– Она ждет вас, – мягко улыбнулся Аарон. – Спасибо.

– За что?

– Вы даете мне надежду, что наш мир все же достоин Бо-

жьей милости.

Аарон не лукавил. В последнее время ему от мира было дурно. Его даже Галла предупреждала, что он темнеет душой, только самому Великому Святому было на это плевать. Он такой, каким его сотворил Всевышний. И вообще, он эльф – венец творения, само совершенство. А мир вокруг лежит во зле, погряз в эгоизме и ленности.

– А это наш Кузенька с жиру бесится, – безжалостно охарактеризовала его настроение Галла, и Аарон тогда взорвался, наговорил ей гадостей и сбежал, громко хлопнув дверью. На несколько лет сбежал, шатался по людским поселениям, лечил, учил и учился. По-другому жить Аарон не умел. Чужая боль всегда была для него лучшим лекарством от своей, а милосердие примиряло его с Всевышним. Благ и милостив Господь, многотерпелив и многомилостив. Оттого и слуга Его должен возвращать в себе терпение и смирение. Иначе какой же он слуга, если в нем не виден Господин?

Несколько лет странствий немного поставили Аарону мозги на место. Ему снова стало интересно жить, захотелось увидеть Галлу и ее детей, которым он стал крестным, и поглядеть, что выросло из Олы. Вернулся в Цитадель он как никогда вовремя.

Глава 3. Цитадель

Аарон, просидевший всю ночь у постели странника, возвратился в Цитадель утром, как никогда задумчивый. Из бессвязного рассказа Ахиора он узнал столько нового, что у него голова распухла. Разломы. Проходы между мирами. Синхронизация. Земли, где не знают Бога. Небеса, под которыми поклоняются идолам. Это было дико, странно и мажяще.

Аарон никак не мог успокоиться здесь, в так называемом Первом мире. Он давно уже искал выход. Ему было душно. Раньше он думал, что хочет создать семью, родить детей, возможно, осесть где-то на сотню-другую лет. Но женщины его уже не интересовали. Они были прекрасные, нежные и все такие разные, но он не испытывал к ним совершенно никакого влечения. Галла насмешливо предлагала ему взглянуть на мужчин. Аарон глядел на нее, как на полную дуру, но на всякий случай взглянул. Нет, мужчины ему нравились еще меньше, чем женщины.

Эльфу порой казалось, что он мертв. Или не казалось. В иной реальности он погиб в бою. Теперь он сомневался, полностью ли он жив, или частично. Он даже пытался поговорить об этом с братом, но бесчувственный Иаир только взоржал над ним и выписал старшему брату подзатыльник: якобы, чтобы проверить, точно ли Аарон не призрак. Они все же

подрались тогда, а потом напились багряницы – до свинского визга, как высказала им мать. Что ж, разбитая губа еще долго напоминала Аарону, что пациент скорее жив, чем мертв. Но столь радикальный выход из сомнений ему всё же не понравился.

А может, в другой мир?

– Дочь моя Галатея! – громогласно позвал Аарон, въезжая в ворота Цитадели и спрыгивая с коня, а потом пробурчал под нос. – Или уже не дочь... Или не моя...

– Батюшка, – радостно взмахнула рукой откуда-то из огорода Галла.

Это была их старая шутка: Галла говорила, что в ее мире (точнее, уже не в ее) священников называли "батюшками" или "святыми отцами".

– А вот и нет, – неожиданно выдал Аарон, почесывая нос. – Не батюшка.

– Не поняла? – вышла к нему навстречу тоненькая блондинка. – Ты перегрелся? Теперь матушка? Ты все же определился со своей ориентацией?

– Да нет, – вздохнул эльф. – Там это... Ахиор из рода Танцующего Пламени нашелся.

Галла моргнула. Ахиор? Кто такой Ахиор? Это что... тот самый?

– Как это нашелся? – придушенно выдавила из себя она.

– Выполз из-под земли на территориях орков, – с готовностью пояснил Аарон. – Вчера Опп-Вооз приезжал по мою

душу... это вот Ахиора надо было посмотреть.

– И что с ним?

– Истощение, обезвоживание, крайняя степень пустоты, – перечислил Аарон. – Эльфы ведь плохо живут в отсутствие Божественной Энергии.

Галла кивнула. Она знала это.

– Ну чего ты глаза вытаращила? – вздохнул Аарон. – Живой твой блудный папаша. Через пару дней огурцом будет.

Галла кивнула машинально и прикусила губу. Она до сих пор не смирилась с тем, что у нее есть мать. А отец – это же еще страшнее. Этот мир не перестает ее зачем-то одаривать самыми странными вещами.

– А-а-а... зачем он мне нужен? – наконец, выдала она.

– Кто, отец? – растерянно спросил Аарон. – Ну это... что-бы был.

Он вдруг и сам озадачился этим вопросом. У эльфов, после того, как они создают свою семью, родители детей отпускают от себя. Даже внуками не особо интересуются. Все по-разному, конечно. К примеру, мать Аарона и Иаира в своих мальчиках души не чаяла. А родители Иафили никак не участвовали в ее жизни. Нужны ли родители Галле? У нее своя семья. Да у нее муж ей и отец, и брат, и любовник в одной бутылке.

Впрочем, делать уже было нечего: не прогонять же Ахиора прочь, в самом деле!

– Ты обещал меня не трогать.

– Я и не трогаю. Только поцелую. Ну хочешь, руки мне свяжи.

– Вот еще не дело! Ты мужчина. Ты слово сдержишь. Я верю.

Вообще-то Опп-Вооз собирался позволить себе некоторые вольности, но после слов Соломеи решил быть более сдержанным. Зря. Соломея ждала от него чего-то дерзкого и совершенно нового. Но орк не спешил взять свое. Он осторожно целовал ее губы и щеки, так осторожно, словно она была еще ребенком, а не девушкой, которую весьма интересовало, что в принципе происходит между мужчиной и женщиной. Соль обиженно отвернулась от него, губы орка скользнули по ее щеке. Он нетерпеливо рыкнул, ухватив ее пальцами за подбородок, раздвинул языком ее губы. Их зубы столкнулись. Соль затрепыхалась испуганно, вцепилась ногтями в его плечи, а Опп-Вооз обхватил ладонями ее лицо и жадно целовал. Он хотел свою невесту так давно и так сильно, что теперь не мог удержаться, чтобы не проникать в ее рот языком так, как сделал бы это в брачную ночь... и совсем не языком. А может быть, и языком – потому что она такая нежная, такая податливая, так охотно прогибается под его ладонями, так сладко и робко отвечает...

Соль задыхалась, вся дрожала, но ни за что не остановила бы этот невероятный, первый в своей жизни подобный поцелуй. Как колотилось ее сердце! Или это было его сердце

под ее пальцами? По спине бежали мурашки, в животе разливался жар. Опп, забывшись, скользнул ладонями вниз по тонкой девичьей спине, стиснул ягодицы, вжимая девушку в себя, а потом, не удержавшись, провел языком по изгибу шеи. Лишь когда она застонала жалобно и откровенно, он нашел в себе силы оторваться от нее. Обещание он нарушил. Пощечиной тут не отделаешься. Он вправе ударить его, прогнать прочь, обругать, но только ее полуприкрытые глаза и опухшие алые губы едва снова не свели его с ума.

Он прижал девушку к груди, глядя по плечам. Надо что-то делать с этим безумием. Не то жениться на ней поскорей, не то к матери отправить, потому что он не железный.

Глава 4. Настоящее

Быть женой Князя Времени невероятно трудно. Вообще быть женой трудно. Галла привыкла к самостоятельности. К одиночеству. Привыкла сама строить свой день и решать все сама. А тут муж, да не просто муж – а такой, с которым не поспоришь. И к нему еще человек триста народу.

Вначале она, конечно, была в восторге. Любимый мужчина рядом. Ее любят, по-настоящему любят. Разве не об этом мечтает каждая женщина? Когда целуют, когда оттягивают прядь твоих волос и вдыхают твой запах, когда стараются прикоснуться. Когда слушают и слышат. Когда заботятся.

Счастье было всеобъемлющее. А такие мелочи, как строгие правила приличия и постоянные косые взгляды, почти не оставляли следа в душе.

А потом она забеременела. Очень быстро, не прошло и пары месяцев. Оскар был счастлив. Он просто сиял. Он своими руками выточил колыбельку, он постоянно трогал живот супруги, он исполнял любой ее каприз. Эльфы легко переносят беременность. Галла целыми днями копалась в огороде, гуляла, читала исторические книги, коих в библиотеке было немало. Ей казалось, что она в раю. Дочь родила легко, почти без страха и боли. Через пару дней она уже порхала как птичка. Нянек было даже больше, чем нужно. Все готовы были помочь: погулять, постирать, укачать. Кормить только

не могли, но с этим Галла справлялась сама – молока было достаточно. Вторая беременность вслед за первой ее немного напугала. Она сначала даже не поверила: как же так, она же грудью кормит! Вероника уверяла, что при кормлении забеременеть невозможно. К тому же у эльфов детей много не бывает, два – и то редкость. Но на самом деле ничего страшного не произошло, просто дочь бросила грудь и совсем перешла в руки няnek, а больше – заботливого и трепетного отца, а на свет появилась еще одна девочка с остренькими ушками.

Две девочки одна за другой – и это при том, что у эльфов, в основном, рождались мальчики! Это было чудо, самое настоящее чудо!

А потом Галла вдруг обнаружила, что как раньше уже не будет. Никого не волновало, что в воскресное утро ей хочется понежиться в постели с детьми. Прозвенел колокол – извольте на службу. Это при беременности ей позволялось пропускать богослужение, но теперь свобода кончилась. Госпожа, у вас муж священник. Вы должны соответствовать. На вас же все смотрят.

Скрипела зубами, пыхла и соответствовала. У нее были свои, личные, даже интимные отношения со Всевышним. А теперь их будто вывернули на всеобщее обозрение. Когда Галлу впервые попросили помолиться и благословить детей, она со слезами убежала прочь. Она не умеет! Оскар потом утешал ее, жалел, гладил по волосам. Но ей вдруг показа-

лось, что по ней проехали асфальтоукладчиком, до того было тягостно. Он как-то сумел выставить ее истеричной душой, хотя, наверное, это не он, а ее комплексы расцвели в полный цвет. Галлу всегда пугали публичные выступления. А здесь она так и не стала своей, хотя и жила в Цитадели уже несколько лет. Девчонок все любили, просто обожали. А она была мало что эльфийкой, которые всегда считались заносчивыми сучками, так еще и ухитрилась отхватить самого желанного мужчину. Что ни говори, на Оскара заглядывались все местные женщины, а тут прилетела какая-то пташка из другого мира, перевернула все с ног на голову, да еще прямо с порога выскочила замуж за хозяина. Они ведь не знали ничего, что было... но на самом деле не было.

Галле никто ничего не говорил, с ней общались подчеркнуто уважительно. Но она сама чувствовала, что недостойна такого мужа и мучилась внутри. Училась носить эти ужасные закрытые платья: хозяйке Цитадели не пристало носить простые юбки и широкие блузки. Держала спину прямо. Не хихикала, как девчонка, а сдержанно улыбалась краешком губ. Не бегала по лестницам. Больше не целовалась с мужем там, где ее мог кто-то увидеть: для этого была спальня. Даже за руку себя держать не позволяла: госпожа Летиция, жена священника, как-то раз выговорила ей за непристойное поведение. "Вы искушаете других, – сказала она. – Молодежь смотрит и позволяет себе такие же вольности."

Галла старалась. Она любила Оскара так сильно, была так

ему благодарна за его любовь, что всеми силами училась ему соответствовать. Настал день, когда она без трепета в голосе (но отчаянно трясясь внутри) вышла вперед и, простирая руки, помолилась за детей Цитадели. Она так гордилась собой!

– Я молодец? – спрашивала она отчего-то хмурого супруга. – Я всё правильно сделала? Правильно говорила?

– Ты моя умница, – ласково отвечал муж, целуя ее волосы. Но складка с его лба не уходила. – Просто безупречна.

Как объяснить жене разницу между искренней молитвой и тщательно вызубренной и отрепетированной речью, он не знал. Для него молитва была как воздух, она просто была. К ней не нужно было готовиться. Но Галла так не умела. Ей было, видимо, сложно и страшно. Он не торопил ее, зная, что его девочка еще очень юная, по меркам эльфов – еще дитя дитем. И очень ранимая. Ее вышибало каждое небрежное слово, каждый шепоток за спиной, каждая неудача.

Он и любил ее такой: искренней, нежной, честной в своих порывах и желаниях, и с некоторым сожалением наблюдал, как она взрослеет, становится будто суше и серьезнее. Ему нравилось, что она оказалась очень разумной матерью, не трясясь над дочерьми, но и не забывая про них. Она всегда находила время на детей, но могла спокойно отдать их Веронике и Мариэлле, и другим женщинам. Она не ускользала от него по ночам и не уклонялась от супружеских ласк – напротив, хищно нападала на него в постели, требовала экспериментов и новых забав.

Галла всегда слушала его, он мог рассказать ей о любой своей проблеме. Если ему было нужно, она немедленно оставляла все свои заботы, даже детей, и приходила к нему. Он чувствовал ее любовь во всем: у него всегда были свежие рубашки, и горячий обед, и даже перья Галла ему затачивала собственноручно.

Оскар был бы абсолютно доволен своей семейной жизнью, если бы не странное, иррациональное ощущение, что его жена глубоко несчастна. Она всегда улыбалась и никогда не жаловалась, но порой он улавливал в ее глазах черную тоску. На все его вопросы она отвечала, что у нее все прекрасно; слыша одинаковые выдержанные ответы, он перестал спрашивать. К тому же она постепенно привыкала к своему положению: уже не боялась публичных речей, а порой ее молитва была тороплива и сбивчива, но куда более искренняя, чем тщательно заученная.

Аарон, этот Великий Святой, впервые услышав, как Галла "молится", пришел в ужас.

– Да это кошмар какой-то! – возопил он. – С Всевышним так не разговаривают!

– А как разговаривают? – холодно прищурилась Галатея. – Я сказала все, что хочу. Людям нравится. Или ты думаешь, что Бога здесь нет, в то время, когда все к Нему взывают?

– Есть, но...

– У Него избирательный слух?

– Нет, но...

– Как умею, так и молюсь. Если что-то не устраивает – скажи всем, что запрещаешь. Мне же легче будет, – она умела быть колючей, эта девочка.

Аарону пришлось заткнуться, потому что спорить он с Галлой не умел. Она всегда выворачивала его слова как-то извращенно.

Для эльфов время тянется по-другому. Дети растут медленно. Человеческие детеныши, которые родились в то же время, что Ана и Ева, уже совсем взрослые. Девушки уже обзавелись женихами, юноши умело управляют кто с оружием, кто с кузнечным молотом. А две светловолосые девочки с острыми ушками и серыми, как у отца, глазами, только-только начали походить на подростков. Они были не совсем эльфийки. Брови у девочек темные, кожа золотистая, да и волосы не совсем уж белые – скорее, светло-русые. И носы, пожалуй, не идеальные – скорее, чуть вздернутые, как у отца.

Сама Галла видит в зеркале ту же молодую женщину, какой она была много лет назад: белые волосы, зеленые глаза, лицо сердечком. Ни морщин, ни поплывшей линии лица, ни дряблого подбородка. Это даже страшно. Те, кто с ней приехали, уже совсем другие.

Сергей, нынешний комендант Цитадели, почти старик. Он полысел, покрылся морщинами, на руках – пигментные пятна. Без очков он уже не ходит. Ника, его жена, выглядит чуть моложе, возможно, за счет высокого роста и идеальной

фигуры – но тоже уже далеко не молодая женщина.

Мариэлла давно уехала к людям в город, завела любовника и открыла свою швейную лавку; ей была невыносима мысль, что ее жизнь клонится к закату. В Цитадели отношения вне брака были немыслимы; ей бы здесь этого не простили.

Только Павел был таким же, каким прибыл сюда: все же у него жена – эльфийка, хоть и бывшая. Аарон говорит, это из-за потоков энергии. Аврора искренне любит своего мужа; они оказались очень гармоничной парой. Вот только детей у эльфийки от человека быть не может. Павел, впрочем, не слишком расстраивался. У него была очаровательная падчерица, в которой он души не чаял.

Сола тоже выросла.

Все ждали, что она будет красавицей, как мать. Но действительность превзошла все ожидания. Она была яркая, живая, горячая – и в то же время обладала утонченной грацией эльфиек. И повзрослела быстрее изнеженных эльфийских девиц.

Ей было почти тридцать. Для эльфиек – детство. А для Сола – самая что ни на есть юность.

Галла ощущает себя будто в центре урагана: она не меняется, муж ее вечный, дети еще дети. А сан священника принял сын прежнего духовного отца; тот совсем стар, едва передвигается. Госпожа Летисия умерла от простуды пару лет назад. У ее рыжеволосой дочери уже трое детей.

Галла ненавидит эту жизнь. Даже орки ей кажутся более живыми и искренними. И уехала бы – только это будет откровенная подлость. Да и куда уезжать? Ее дом, ее муж здесь, в Цитадели, а больше ей нигде не рады, даже в доме матери.

Озерный край

Среди гор на западе есть дивная долина. Она совсем небольшая, не долина даже, а чаша среди высоких скал. Здесь везде вода, множество озер раскинуто по земле. Есть озера ледяные, куда стекает вода с горных снежных шапок, есть горячие – из подземных источников, есть целебные. Из этого края вытекает Нерль – большая река, питающая земли эльфов.

Здесь живет род Лесное Озеро. Обычный эльфийский клан, не маленький и не большой, не выделяющийся какими-то талантами. Здесь живет безумная Иафиль. Она целыми днями сидит у озера, расчесывает длинные белые волосы пальцами и поет странные песни на непонятном языке. С ней никто не разговаривает – эльфы опасаются общаться с сумасшедшими. Но в то же время клан заботится об этой женщине: приносит ей еду и одежду.

Иафиль не всегда была такой. Когда-то она была настоящей, живой. Она плавала лучше всех и могла достать любую раковину-жемчужницу со дна озера. У Иафиль был муж – Ахиор из рода Танцующего Пламени. Что случилось между ними, никто не знал. Просто однажды Ахиор вернул Иафиль

и ее дочь в дом матери, заявив, что она ему больше не жена. Такое случалось среди эльфов крайне редко. Иафиль все жалели.

Вначале она была вполне счастлива в своем маленьком мирке: растила дочь, плела жемчужные ожерелья, купалась. А потом маленькая Галатея пропала. Такого среди эльфов и вовсе никогда не было. Иафиль была хорошей матерью; ребенок никак не мог утонуть в озере или уйти один в горы. Девочку искали долго, но не нашли ни ребенка, ни даже тела. Неудивительно, что от такого потрясения женщина тронулась умом.

Ей построили маленький домик на самом берегу Жемчужного пруда и оставили ее в покое. Она по-прежнему глубоко ныряла и доставала жемчужницы, сортировала жемчуг и нанизывала его на нити – словом, делала все то, чем столетиями занималась ее семья. Только теперь Иафиль ни с кем не разговаривала, а когда к ней приходили мужчины – безумно смеялась и выкрикивала что-то непонятное.

Мужчины, впрочем, все равно приходили. Женщин у эльфов не хватало. Свободных не было вовсе. За несколько столетий родилось всего шесть девочек на более чем две сотни мальчиков. Иафиль была красивая, как и все ее сородичи: светлые, почти белые волосы, лицо сердечком, темно-голубые глаза. Безумие ее ничуть не портило, наоборот, добавляло ее облику загадочности и томности. Многие хотели бы ее в жены, будь она нормальна. Сколько лет она сидела в оди-

ночестве на берегу пруда? Никто не считал. У ее сородичей была своя жизнь. К ней привыкли, она никого не интересовала. До тех пор, пока в Озерный край не прибыли странные гости.

Сам Князь Времени, его молодая супруга и Тот Самый Аарон. Молодая супруга была похожа на эльфийку, только уши у нее были вполне человеческие. И она уверяла, что является пропавшей Галатеей. Князю Времени не верить было невозможно; он паладин, он не лжет. Просто не умеет. Безумному Аарону (не такому безумному, как Иафиль, просто дурному на голову) тоже верили. Девушку отвели к маленькому домику у пруда и оставили женщин наедине.

Глава 5. Мать

Галла с недоверием разглядывала женщину, про которую ей сказали, что она ее мать. Неужели у нее такая молодая мать? Она выглядит не старше нее. В чистых глазах нет ни проблеска безумия. Душа полна света. Да кто вообще сказал, что она сумасшедшая? Галла – Водящая Души. Ее не обманешь.

– Иафиль, – позвала девушка (не матерью же называть эту молодую женщину). – Говорят, я твоя дочь.

Ни малейшего интереса. Женщина даже не повернула к ней головы.

– Не веришь? Я тоже не верю. Знаешь, это странно. Я выросла в детском доме. Мы все там были сироты. Самая большая наша мечта была, что мама придет и заберет нас. Скажет: прости меня, дочка, у меня не было другого выхода. Но теперь все наладилось, и мы навсегда будем вместе.

Плечи Иафиль едва заметно вздрогнули. Нет, она в разуме.

– Мы говорили, – безжалостно продолжала Галла, не сводя глаз с тоненькой фигурки в белом платье с пятнами травы на подоле. – Пусть пьяница. Пусть воровка. Пусть даже убийца – но родная мама. Мы говорили: не может быть, чтобы она про нас забыла. Но время шло, и все, что у нас оставалось – это мы сами. Мама не пришла. Мы – брошенные, ни-

кому не нужны дети. Несчастливые, никому не нужны взрослые, недостойные любви. Если нас бросили родители – чего ждать от прочего мира?

Иафиль вскочила на ноги и бросилась в дом. Галла пошла за ней. Женщина сидела на полу, сжавшись в комочек и судорожно рыдала. Девушка опустилась рядом с ней на колени и погладила по волосам.

– Ты не виновата, – прошептала она. – Ты была хорошей матерью. Ты никогда не забывала своего ребенка, верно?

Иафиль подняла голову и поглядела на Галлу сквозь спутанные волосы. Они были похожи, мать и дочь. Никто не усомнился бы в их родстве. Вот только кто из них старше, сказать было сложно.

– Я молилась за тебя каждый день, – шепотом сказала женщина с зелено-голубой вязью на лбу. – Я хотела, чтобы ты была жива. Эльфы живучие. Он забрал тебя, я знала, что ты не утонула, что тебя не разорвали дикие звери. А все говорили – твоей девочки больше нет.

– Кто он? – испуганно спросила Галла.

– Твой отец. Ахиор. Я знала, что он был здесь. Он оставил знак. Галла... Ты ведь Галла? Это так смешно! Я потеряла маленькую девочку – вот такую, – она показала руками. – И молилась всегда за маленькую девочку. А ты уже женщина. И скоро будешь мамой, да?

Галла смущенно улыбнулась, неловко закрывая руками свой совсем еще небольшой живот. Она не привыкла к повы-

шенному вниманию к своей персоне. Но эльфы были в восторге от самого факта ее беременности.

– А зачем он меня забрал?

Иафиль забрала волосы в хвост, поднялась с пола и поставила чайник на плиту. Достала из шкафа фруктовый хлеб, пару яблок и миску чего-то пахучего. Она больше не казалась сумасшедшей.

– Ахиор – он как огонь, – наконец, сказала она, жестом предлагая дочери присесть возле стола. – Он удивительный. Не такой, как все. Он не сидит на месте. Я была с ним счастлива. Мы объездили весь континент. Я ждала ребенка, это было настоящим чудом для нас обоих. Но чудо не произошло. Ребенок – это был мальчик – родился без души.

– Морлок, – закусила губу Галла. – Седьмое колено.

Иафиль бросила на нее неожиданно острый взгляд.

– Ты знаешь?

– Я была у Фергана... в другой жизни.

– Как такое может быть?

– Мой муж – Странник во Времени.

– Действительно, – Иафиль кивнула. Она и вправду понимала. – Нам невероятно повезло. Мы гостили у Парящих Орлов. Там был свой Водящий Души. Мне даже не дали взять в руки сына, сразу отобрали. Господи, как это было страшно! Скажи, эта сволочь мертва? Договор разрушен?

– Сволочь, увы, успела сбежать, – покачала головой Галла, хмурия брови. – Договор, выходит, тоже действует. Сейчас

вычисляется его потомство. Всё шестое колено под наблюдением. Если бы ты представляла, сколько их! И все дети, все первенцы! Это ад, Иафиль. Если бы я нашла его, то убила бы своими руками.

– Я бы его для тебя подержала, – мрачно ответила эльфийка. – И еще бы на труп плюнула. В общем, мы ведь ничего не знали. То есть Ахиор пытался понять. Он не из тех, кто спускает подобное. Знаешь, я была опустошена. Мой ребенок, мой первенец! Когда я поняла, что беременна вновь – испугалась так, что со мной была истерика. А вдруг это повторится? Но родилась дочка. Здоровая и крепкая. Живая. Ты.

Эльфийка замолчала, а потом встала, достала чашки, разлила чай и нарезала хлеб.

– А дальше? – умоляюще поглядела на нее Галла.

– А дальше Ахиор как-то докопался до правды. И очень испугался за нас. Он привез нас сюда. Дал мне развод – чтобы только нас не тронули. Он надеялся, что Ферган не сможет нас здесь достать. И поскольку я не была больше его женой, не станет причинять нам зла в случае его провала. Он намеревался как-то приструнить Фергана.

– Это сложно, – тихо сказала Галла, кроша пальцами хлеб. – У Фергана была такая армия...

– А Ахиор знал подземелья. И умел находить разломы. Более того, он умел их создавать. Он надеялся, что уйдет. Что заберет Фергана в другой мир и бросит там.

– Здорово, – не удержалась Галла. – Вот это был бы подарочек кому-то.

– Видимо, Ферган угрожал моему мужу... Ахиор забрал тебя. И увез. Я надеялась, что ты в безопасности. Но оказалось, что это не так. Ты... Он умер?

– Я не знаю, – честно сказала девушка с человеческими ушами. – Я никогда его не видела. Может, жив. Может, нет.

– Значит, у меня есть надежда, – кивнула Иафиль. – Это хорошо.

– Почему ты такая? – Галла неопределенно махнула рукой.

– А ты видела наш народ? – зло спросила Иафиль. – Кто из нас сумасшедший? Я люблю своего мужа. Я буду ждать его до самой смерти, даже если он не вернется. А эти... они сватали меня. Миллион раз! Я говорила, но они не слышали. Для чего им такие большие уши, я тебя спрашиваю?

– Бабушка, а почему у тебя такие большие уши? – усмехнулась Галла. – Чтобы лучше слышать тебя, внученька.

– Это явно не про эльфов, – скривилась женщина. – Поэтому вот. Так меня хоть не трогают.

– Ты можешь поехать со мной, – предложила Галатея. – В Цитадели каждому найдется место.

– Извини, но Ахиор, когда вернется, будет искать меня здесь, – покачала головой Иафиль. – К тому же я здесь дома. Пруды тут, жемчужницы. Видела, какой жемчуг я выращиваю? Смотри!

Она, как девчонка, хвасталась жемчужинами – и в самом деле красивыми, крупными.

– Жемчуг – это искусство, – рассказывала она. – Нужно взять моллюска и поместить туда песчинку. А дальше дело за малым: правильно кормить моих девочек. Одну колонию я кормлю голубыми водорослями. Там еще рыбы, которые выделяют синий пигмент в воду. Смотри, получается вот такой бирюзовый жемчуг. А эти из красного пруда. Там бурые водоросли и розовый криль. Жемчужницы дают розовый жемчуг.

Галатея катала между пальцами крупную розовую бусину на тонкой золотой цепочке.

– Сколько же нужно времени, чтобы вырастить такой жемчуг?

– Крупный растет до сорока лет, – пожала плечами Иафиль. – Поэтому, понимаешь ли, только эльфы его и выращивают. И гарры, конечно, но там другой жемчуг, морской. И они моллюска убивают, открывая. Я так не могу. Мои девочки сами отдают мне свои сокровища. Если за ними правильно ухаживать, они живут очень долго. Возьми это себе. Я вижу, тебе оно по душе. Когда родишь мне внучку, я посажу для нее пару жемчужин. Она приедет к нам за знаками рода, и я сделаю для нее серьги.

– А может, у меня будет сын, – вскинула брови Галла, произвольно поглаживая живот.

– Дочь, – уверенно сказала женщина. – Неужели ты не чув-

ствуешь?

Она не чувствовала. Она вообще ничего не чувствовала. Эта женщина-девочка матерью ей не была. Она, наверное, ее родила. Вот только Галла внезапно ощущала себя старше и опытнее. Как будто это Иафиль была ее дочерью или, в крайнем случае, младшей сестрой. Нет, поддержки от нее ждать не стоило.

Глава 6. Темный эльф

Поселение орков

Соломея, прикрыв голову полосатым платком, сидела на крыльце небольшого каменного дома. Рядом с ней сидел тот самый странный эльф. Он еще был очень слаб, едва держал в руках чашку с ароматным бульоном, но лежать больше не мог. Всё его здесь удивляло. Когда он покидал свой мир, никому бы и в голову не пришло, что орки кого-то пустили бы в свое поселение. Орки не общались с эльфами. Это было совершенно немыслимо. Эльфы никогда не заговорили бы с орками. Они ведь враги навеки, еще со времен Ибрагима.

И девушка рядом с ним его изумляла. Подумать только, не то эльфийка, не то демоница! Какие у нее волосы! Темные, с красным отливом, завивающиеся крупными кольцами, свободно спадающие почти до талии. Такие волосы прятать в косу – преступление. А ушки у нее совсем эльфийские, и улыбка светлая. Такое ощущение, что она эльфийка – просто другой масти. Ничуть не менее очаровательная, чем светлоглазые блондинки.

И такую красоту отдать оркам! Ради чего? Ради какого-то мифического союза с этими дикарями?

Справедливости ради, дикарь, у которого на лице символ рода Синиц, внешне не уродлив. У него, по крайней мере, ладное мускулистое тело, сильные руки и плечи. Как так вы-

шло, что род Синиц назвал его своим сыном? Как так вышло, что темнокожий крупный мужчина вел себя куда более вежливо и учтиво, чем многие знакомые Ахиору эльфы?

Как бы Ахиор ни относился к своим извечным врагам, но именно орк спустился за ним в подземелье, именно орк привез целителя. Именно он зарубил курицу, чтобы сварить для немощного чужака бульон. А сейчас этот самый "дикарь" и "варвар" черпал из колодца воду, чтобы, наконец-то, Ахиор мог по-настоящему вымыться.

– Почему он называет тебя Солью? – спросил эльф у девушки.

– Орр говорит, что без соли не вкусная еда, а без меня не вкусная его жизнь, – смущенно улыбнулась Соломея и направила платок на глаза – чтобы Орр-Вооз не заметил, как она любит его телом, влажно блестящим от пота.

Он был очень сильным, девушка это знала. Он легко вращал крупные валуны, которых было много в пустыне. Он мог голыми руками задушить льва. Он без усталости черпал воду и таскал тяжелые ведра. Мало кто мог сражаться таким огромным двуручным мечом. И в то же время его руки могли быть такими нежными! Он так и не осмелился к ней прикоснуться, когда целовал – только осторожно придерживал ее за плечи. Он берег ее от всего, и от самого себя в первую очередь.

Хотя поцелуи были совсем не целомудренные. Соль даже покраснела немного и потрогала губы, вспоминая, как он

стребовал с нее долг.

Орр-Вооз был ее женихом. Соль отлично понимала, что стоило ему поставить перед собой цель – и она бы даже не сопротивлялась. От его поцелуев кружилась голова и подкашивались колени. Но это были лишь поцелуи. Ничего большего. И не сказать, что он не желал ее – нет, он смотрел на нее голодными глазами, когда думал, что она не видит. Наверное, она сейчас так же пожирала взглядом его сильную спину, во всяком случае, он оглядывался на нее, словно чувствовал это.

Соль хотела бы большего. Хотела увидеть черные руки на своем теле. Это лицо и плечи у нее были смуглые, бронзовые, а груди, живота и бедер солнце не касалось, и кожа там была светлой, лишь чуть золотистой. Она представляла его пальцы на своем животе и догадывалась, что это будет красиво.

У нее не было выбора. Двадцать лет назад был заключен договор. Орр-Вооз получал в жены дочь эльфов, а взамен обязался возглавить свой народ, объединить разрозненные племена и не допустить войны. Жены у него все еще не было. Только невеста. И та, признаться, бракованная, но его устраивала. Для орков, которым и свои-то женщины позволяли прикоснуться к ним пару раз в год, подобное было чем-то запредельным. Для них Соломея была просто богиней, впрочем, нет – даже орки не осмеливались упоминать Всевышнего всуе, хоть и не были близки к Нему. Она была царицей. Часто они смиренно падали ниц перед ней и просили дозво-

ления прикоснуться к краю ее одежды. На что-то большее они никогда не покушались – Орт-Вооз охранял своё сокровище яростнее дракона.

Орки его боялись. Высокий, крупный, с выразительными черными глазами, он умел смотреть на своих сородичей так, что те откровенно терялись. А если не срабатывал взгляд, то он рычал как дикий зверь.

В бою он был словно ураган. Никто не мог его победить один на один, кроме Князя Времени. Но тот нагло жульничал, тасуя вероятности, будто карты.

И только с Соль Орт-Вооз был ласков, словно котенок.

Натаскав воды, он кивнул Ахиору, презрительно кривя губы: слабости орк не терпел.

– Женщины тебе помогут вымыться, чужак, – насмешливо сказал он.

Орт-Вооз видел, как смотрит его Соль на эльфа и бесился. Ему хотелось унижить чужака.

– Очень хорошо, – спокойно кивнул Ахиор. – Благослови тебя Господь, вождь.

Он сказал это с такой искренней благодарностью, что Орт-Вооз еще больше скривился, а потом опускался у ног Соломеи и ловил ее руку.

– Ты грубиян, Орт, – укоризненно говорила девушка, и орк жмурился от удовольствия. Для него это вовсе не было обидой. – Ахиор еще не оправился после своего путешествия.

– Если ты будешь так на него смотреть, то он и не опра-
вится, – убедительно отвечал мужчина. – Я сломаю ему реб-
ра. И челюсть. Он не будет больше таким смазливый.

Соль только рассмеялась серебристым смехом, от которо-
го у Опп-Вооза всё сжималось в груди.

– Он старый, Опп, – поясняла девушка. – У него жена есть.
И дочь. И внучки. Зачем я ему?

– Затем, что ты самая красивая девушка в этих местах? –
приподнимал брови орк, перебирая тонкие девичьи пальчи-
ки.

– Мой отец поспорил бы с тобой, – белозубо улыбалась
Соль. – Он уверяет, что красивее всех мама.

– Твой отчим.

– Опп-Вооз! – голос девушки тут же холодеет, она выдер-
гивает свою руку из черной лапы орка. – Не смей! Павел мне
отец! Он вырастил меня.

– Прости, моя королева. Конечно же, ты права, – скалится
мужчина, и не поймешь, смеется ли он над ней или всерьез.

Немного подумав, Соль решает сменить гнев на милость.
Она осторожно прикасается к щеке мужчины и тут же крас-
неет от его недвусмысленного взгляда. Он желает ее. Он не
сводит глаз с ее губ, облизываясь. Соль судорожно вдыхает
ставший вдруг густым воздух, стискивая колени.

– Когда ты будешь моей женой, – хрипло шепчет мужчи-
на. – Я не выпущу тебя из постели месяц. Я буду целовать
тебя, пить тебя, дышать тобой.

– Я не хочу быть твоей женой, Орт, – осторожно отвечает Соль, отводя руку. – Прости.

– Захочешь, – обещает он уверенно. – Когда-нибудь ты поймешь, что никто не будет любить тебя так, как я.

– Но я тебя не люблю!

– Ты меня любишь, просто еще не поняла этого.

– Упрямец, – качает головой Соль.

– За это и нравлюсь.

Девушка отворачивается, пряча улыбку. Он ведь прав. Ей нравится Орт-Вооз. Нравится именно его несгибаемость и сила духа. Но этого мало. Она хотела любить по-настоящему. Так, как хозяйка Цитадели любит Князя Времени. Как ее мать любит своего мужа. Как Ахиор любит Иахиль.

Глава 7. Встреча с отцом.

– Ахиор из рода Танцующее пламя, Цитадель приветствует тебя, – Оскар само спокойствие. Он еще не понял, как относиться к новообращенному родственнику.

– Оскар из рода Странников во времени, – эльф, несмотря на свой весьма плачевный наряд, кланяется с достоинством и изяществом, присущим его расе. – Я счастлив быть здесь.

– Будь моим гостем. Я прикажу подготовить комнаты и одежду для тебя.

– Почту за честь, Князь.

Все предписанные правилами этикета приличия соблюдены. Эльфы теперь нередкие гости в Цитадели. Для них есть гостевые покои в одной из башен, есть и наряды, благо, что они все примерно одинаковые по комплекции. Оскар отдаёт распоряжения по поводу пира в честь гостя, приглашает и Орр-Вооза с его сестрой и невестой. Он ловит себя на том, что этот эльф с изможденным лицом ему не нравится. Это странно – Князь Времени обычно ровно относится ко всем Божьим детям. Даже орки не вызывают у него негативных чувств. А тут – явно измученный, едва выживший и совершенно безобидный Ахиор!

Галла привыкла к мысли, что она похожа на мать, по крайней мере, внешне. Но когда она увидела кривую улыбку и прищуренные ярко-зеленые глаза светловолосого муж-

чины с бледными знаками Танцующего Пламени над бровями, вдруг засмеялась. Этот взгляд был ей знаком. Она сразу почувствовала с этим человеком (эльфом, конечно же) сродство.

– Ну здравствуй, потерянная дочь, – весело поприветствовал ее мужчина, хватая ее за плечи.

– Ну здравствуй, блудный отец, – в тон ему ответила Галла, улыбаясь. – Долго же ты пропадал!

– Прости, дочка, так уж вышло, – повинился эльф. – Поверь, я не хотел.

– Бог простит, – фыркнула Галатея.

От такой грубости расширила глаза Соломея и хмыкнул Орр-Вооз, а Ахиор только погладил дочь по светлым гладким волосам и ответил серьезно:

– Как же Он простит, если я сам себя простить не могу?

А Галла вдруг разрыдалась – по настоящему, как вообще не рыдала ни разу за последние двадцать лет. Ее муж, наблюдающий издалека, было рванул к ней, но Аарон удержал его неожиданно крепкой рукой.

– Оставь, – прошептал он. – Им обоим нужно искупление.

– Я ни разу не видел, чтобы она плакала, – тихо сказал Оскар, сжимая кулаки. Он готов был сейчас силой оторвать свою любимую от странного облезлого чужака. – Мне больно от ее слез.

– Дурак, – пожал плечами эльф спокойно. – Это слезы, которые несут мир.

Ахиор тоже плакал; много лет стыд и боль терзали его. Он никак не мог простить себя за то, что не сберег свою дочь. А теперь эта дочь – уже взрослая – прижималась к его груди и говорила, что он все сделал правильно, что своей ошибкой спас ее и весь мир в целом.

– Ты не понимаешь, – всхлипывая, говорила торопливо Галла. – Это Божий План. Если бы я не попала в детский дом, погиб бы Алехандро. Ника не смогла бы попасть в этот мир. Павел бы не встретил Аврору. Соломея не стала бы невестой Орт-Вооза. Это всё не случайно вышло. Ты не виноват. Ты лишь оружие, понимаешь?

– Да, – отвечал Ахиор. – Но знаешь, не легче.

– Знаю. Надо выпить. У нас есть багряница.

– Ты пьешь? – заинтересовался эльф.

– А ты нет?

– Еще как. Но эльфы вообще-то трезвенники.

– Мой муж тоже не пьет, – вздохнула Галла. – Но некоторые вещи на трезвую голову обсуждать невозможно.

Они засиделись до рассвета: два эльфа, которые потерялись в собственном бессмертии.

Оскар с удивлением понимал, что ревнует. Галла смотрела на отца... с любовью смотрела, с какой-то странной жадой, с тёплой улыбкой. Она лично подготовила для него комнату, поставила вазу с цветами, выбрала одежду... Раньше она заботилась так только о своём муже. Даже дочери уже были самостоятельные, Галла сказала, что она не нанималась

в вечные няньки для двоих взрослых девиц. Уж в шестнадцать можно и самим себе одежду постирать, и в комнате прибраться. И что с того, что они по развитию как десятилетний человеческий ребёнок? Вон на Руси в таком возрасте девочки и готовили, и дом в чистоте держали, и скотину пасли, а тут все, что от них требуется – быть опрятными и вовремя протирать пыль. Оскару это отношение не слишком нравилось. Он любил дочерей баловать, носить на руках и заботиться о них. Галла же относилась к ним, как ко взрослым, хотя взрослыми они никак не были. Вот и сейчас Ева с Аной решили надеть самые лучшие свои наряды – бабушка же приехал – и выглядели очень забавно. А Галла только прищурилась весело.

Платья? Бальные? Пусть. Ничего дурного в этом нет. Тем более, что пир им интересен мало. Они немного посидели и сбежали в свои комнаты. Не то книжки читать, не то в куклы играть – дети же. Галла бы тоже охотно сбежала, предоставив право быть хозяйкой вечера Веронике – но не вышло. Все же отец ее, и Соломея – ее воспитанница. За ней, наверное, надо присматривать, хотя это глупо: сама Галла в столь солидном возрасте была совершенно самостоятельна. Это, может, эльфы, которые под маминым крылышком растут, в тридцать еще детишки, а Соль, которая последние пару лет жила то в Цитадели, то в поселении орков, будет повзрослее иных столеток. А Опп-Воозу Галла доверяла безоговорочно, он клятву дал, что своей невесте вреда не причинит, да и вообще

– пылинки с нее сдувает. Когда Соль под его присмотром –
Галла может быть спокойна.

Глава 8. Вождь орков

– Соль, прогуляемся в саду? – от пристального взгляда тёмных глаз у девушки по спине пробежали мурашки.

Она кивнула, поднялась, накинула на плечи полосатый платок. Этот платок, больше похожий на одеяло, Опп-Вооз привез ей из Пустошей, где днём от жары трещат камни, а ночью земля покрывается изморозью. Орки ткут такие платки и кутаются в них по ночам. Соломее не часто делают подарки, а платок ей нравился, и она всегда носила его с собой. Сейчас ночи еще холодные, и подарок этот очень кстати. Где-то в глубине души Соль готова была себе признаться, что ценила платок не потому, что он был красивым (откровенно говоря, красивым его могли посчитать только орки), а потому, что его подарил именно Опп-Вооз.

Он осторожно расправил толстую ткань на ее спине, и Соль даже дыхание затаила, пытаясь впитать его прикосновения.

Они вышли в сад; здесь были почти не слышны звуки пира.

– Прохладно сегодня, – нарушила молчание девушка, потирая ушки – они у нее были большие, как у всех эльфов.

– Я согрею, – ответил Опп-Вооз, неожиданно крепко прижимая невесту к себе.

Это было что-то новенькое, он обычно не позволял себе

никаких вольностей. Сола задрожала от страха и предвкушения, но он просто обнимал ее, тяжело дыша ей в макушку, и гладил по волосам.

– Тебе надо уехать, – наконец, сказал орк. – Что-то происходит с Пустошах. Что-то неправильное. Хочу, чтобы ты была в безопасности.

– Но Орр! – встрепенулась девушка, пытаясь поднять голову – это ей не удалось, он с силой прижал ее обратно к своей груди. – Я не хочу уезжать! Здесь мне ничего не грозит!

– Ты – моя единственная слабость, Соль, – глухо ответил Орр. – Если пойдут против меня – первым делом похитят тебя. Просто, чтобы иметь рычаг воздействия. А я не поддамся, Соль. Я вождь, я не вправе променять судьбу своего народа на личное счастье.

Девушка уязвленно молчала. Она понимала, что орк прав, но так привыкла к его неизменной любви, что все равно обиделась.

– Поедешь к матери в Багряную чашу, – инструктировал ее жених. – С Ахиором. Он точно поедет к жене, в Озерный Край, не переломится, сделает крюк. Я тебе сопровождающих не дам. У меня нет лишних людей. С Караваном безопасно.

– Почему я не могу остаться в Цитадели? – обиженно прошептала Сола. – Цитадель неприступна.

– Глупости, – отрезал Орр-Вооз. – Однажды Цитадель пала. Никаких гарантий, что она не падёт снова.

– Пала? Что ты такое говоришь? Никогда этого не было!

– Было... в другой жизни. Соль, это не обсуждается. Ты едешь к матери. Я за тобой приеду, как только смогу. Или пришлю кого-то.

– А если не приедешь?

– Если не приеду – значит, я мёртв.

Эти слова упали как камень, и в груди у Соломеи что-то сжалось. Она не могла сказать, что любит своего жениха, но и никого другого рядом не представляла. Чтобы не выдать своего страха, она, как всегда, начала язвить.

– А ты не боишься отпускать меня к эльфам? Там будет куча свободных мужчин!

– У меня нет выбора.

– А если я кого-то... полюблю?

– Я все равно тебя заберу, – жёстко ответил орк, сжав ее плечи. – Ты станешь моей женой в любом случае. Родишь мне сына – отпущу. Если все еще захочешь уйти. Мне нужен союз с эльфами. Мне нужен наследник, которого они будут считать своим.

– Вот как? – Соломея довольно улыбнулась в темноте. – А если... у меня случится роман?

– Пусть. Я переживу.

– Но ты будешь... не первым в таком случае!

– Главное, не кто первый, а кто последний. Если ты с кем-нибудь переспиишь, мне же и лучше. Первый раз – страшно и больно. Я буду рад, если кто-то другой примет это на себя.

Соломея гневно дернулась в его руках. Ей совсем не понравился ответ.

– А если я забеременею от другого? – сердито спросила она, желая уже только одного: обидеть его, сделать больно. – Что тогда?

– Тогда я буду знать, что ты не бесплодная.

– Ах ты!..

– Тихо, не ори, – прошептал орк, запуская руки в ее волосы и оттягивая их вниз, чтобы она запрокинула голову. Отблеск луны отражался в его чёрных глазах. – Не время ругаться.

Он пристально вглядывался в ее лицо, словно искал что-то, а потом впился в ее губы поцелуем, грубым и сердитым. Его язык словно пытался овладеть ее ртом. Так он никогда ее не целовал. Орр проверял, позволит ли она ему что-то, а она поддавалась его напору, вся словно растекалась в его руках, отвечала ему – интуитивно, как умела. Ему было стыдно за свой порыв, но он знал, что сегодня уедет – и неизвестно, увидит ли он Соль вновь. Пытаясь загладить свою грубость, он торопливо целовал ее щеки и закрытые глаза. Сердце в груди колотилось так, что дышать было больно.

– Орр, я хочу, чтобы первым был ты, – шепнула Соль, и он глухо застонал от почти невыносимого желания ответить на ее слова согласием.

– Хорошо, – кивал он. – Когда я приеду за тобой...

– Нет. Сейчас. Сегодня. До того, как ты уедешь.

Он быстро выпустил ее из рук, сделал длинный шаг назад и мотнул головой.

– Нет.

– Но почему?

– Ты еще маленькая девочка, Соль. Так нельзя.

– Я маленькая? А что же ты меня целовал так? Или ты всех детей так целуешь?

– Соль, пойми, – он коротко усмехнулся, сжимая кулаки, чтобы снова не схватить ее в объятия. – Мы не женаты. У тебя даже родовых знаков нет! Я не хочу так... торопливо, в кустах... или ты думаешь, что паладин и священник не узнают? Опозорить тебя ради пары минут удовольствия? Ты настолько низкого обо мне мнения? Ты думаешь, что я ждал двадцать лет, и не смогу подождать еще год?

Соль поджала губы. После его слов она и впрямь почувствовала себя ребёнком.

– Давай поженимся сегодня, – упрямо сказала она. – Аарон нас благословит.

Орр-Вооз замер. Предложение было заманчивым. Взять ее в жены прямо сейчас... может быть, она даже забеременеет. Это было бы великолепно. И получить свою порцию счастья перед сложной поездкой... будет, что вспомнить тёмными холодными ночами. С любой другой женщиной он бы не колебался, но Соль была его маленькой девочкой, которую он растил для себя... и поступить с ней он так не мог. К тому же он понимал, что боится. Он большой. А она невинна.

Ночь счастья будет только у него одного. А ей будет больно. И если он умрёт – а такая вероятность была – то она запомнит только страх и кровь. Стоит ли того его удовольствие?

– Соль, не время, – с искренним содержанием покачал головой Орт-Вооз. – Пойдем в дом.

Она посмотрела ему в глаза, презрительно дернув верхней губой, словно обвиняя в трусости, и он не выдержал. Он был в последние дни взвинчен до предела. Интуиция буквально вопила, что грядут тёмные времена. В Пустошах вроде бы все было спокойно. Слишком спокойно, так просто не бывает. Среди ближних племён, наоборот, слишком часто появлялись недовольные его действиями, а Орт-Вооз не выносил, когда ему возражали. Поведение глупой маленькой Соли стало последней каплей. Давно сдерживаемое напряжение вырвалось наружу.

Он зарычал, резко выкинул руку вперёд, сжимая ее шею и чуть приподнимая, и выдохнул ей в лицо:

– Чего ты добиваешься, Соль? Хочешь, чтобы я изнасиловал тебя? Ты совсем дура? Я орк, а не нежный эльф! Я не буду ползать в твоих ногах! Да, я пытаюсь защитить тебя... в первую очередь от себя самого, но это не значит, что ты будешь мной вертеть как хочешь! Запомни, солнышко, когда ты станешь моей женой, решения буду принимать только я. Ты будешь одеваться, как я хочу. Молчать, когда я захочу. Раздеваться и ложиться в постель, когда я захочу, а может, и не раздеваться, а просто поднимать юбку. Я даю тебе воз-

возможность еще немного побыть на свободе. Но ты лезешь в огонь, как мотылек. Хочешь настоящей жизни с орком? Я тебя спрашиваю, ты этого хочешь?

Он орал на нее, прекрасно понимая, что сейчас ломает все, что с таким трудом создал, видел настоящий ужас в ее глазах и знал, что все делает правильно. Оттолкнул ее от себя, отвернулся, тяжело дыша. За его спиной девушка пискнула и убежала прочь, а он просто осел на землю и закрыл лицо руками. Молодец, Орт. Теперь она точно уйдет к какому-нибудь смазливому эльфу. Но это всяко лучше, чем попасть в руки к его врагам.

Сегодня он сделал всё, чтобы она, наконец-то, увидела его настоящего, а не того слюнявого идиота, в которого он превращался рядом с ней. Орт-Вооз никогда не отличался мирным характером. Он был злым, жадным и очень быстрым и на слова, и на решения. Но Соль он любил. Настолько сильно, что готов был для нее на всё. Конечно, он никогда не забрал бы ее, если бы она и в самом деле полюбила другого. Просто не выдержал бы ее слез. Хотя вообще орки совершенно спокойно относятся к женщинам. У них никогда не было понятия семьи – все женщины общие и дети тоже общие. Орки не умеют любить. Вот только Орт-Вооз вырос среди эльфов.

Ему было полгода – тот самый возраст, когда мальчиков матери относят в деревню к мужчинам. Совет женщин решил подкинуть парня эльфом – ведь все знают, что эльфы

никогда не оставят в беде ребенка. Женщины не знали, что из этого получится, но всеми силами старались выбраться из полудикого существования. Он был первым мальчиком, выросшим в эльфийской деревне. Клан Синиц воспитывал его как родного, даже знаки у него на лице были эльфийские, что, конечно, на тёмной коже смотрелось интригующе.

Земля была холодная, и Орт быстро замерз. Надо было вставать и что-то делать, но уезжать было еще рано, к тому же он хотел поговорить с Ахиором. Внутри собралось в комок противное ощущение вины и еще чего-то непонятного, но очень мерзкого. Орт легко поднялся на ноги и хотел пойти в часовню – помочь ему не мог никто, но, возможно, Всевышний услышит молитву своего непутевого сына, если она будет звучать из привычного места? Часовня казалась Орту своеобразным каналом к небу.

Не вышло. Почувствовав чей-то взгляд, орк резко развернулся, пригибаясь, но тут же успокоился, разглядев мужскую фигуру со светлыми волосами.

– Ты давно здесь? – угрюмо спросил он хозяина Цитадели. Когда-то он преклонялся перед Князем Времени, мечтал быть на него похожим, но с недавних пор понял, что тот такой же человек, как и все. – Ты все слышал?

Оскар покачал своей львиной головой и улыбнулся.

– Я только пришел. Смотрю – ты сидишь на земле. Все в порядке?

– Нет. Но я справлюсь.

– Хорошо. Орр... выпьем?

Орк кивнул. Выпить – это почти так же помогает, как молитва. Тем более, что Оскар вообще-то не пил. Только багряницу, а это скорее сок, чем алкоголь.

Глава 9. Предчувствия

– Я завтра уезжаю, Оскар, – тихо сказал Опп-Вооз, пустым взглядом уставившись на стол в беседке, где уже стояли пыльная бутылка багряницы и две щербатые глиняные чашки. – Мне очень не нравится, что происходит в Пустошах.

– А что там происходит?

– Я не знаю. Ничего. Это-то и странно. Обычно там какие-то катаклизмы случаются. Битвы, голод, болезни, пожары. А сейчас несколько месяцев оттуда только хорошие новости. Мне это не нравится.

Опп-Вооз был уверен, что Оскар поймёт его правильно. Он всегда понимал правильно. Умел слушать не слова, а суть. Вот и теперь он кивнул и подтолкнул к Оппу чашку.

– Солу куда? – ровно спросил он.

– К матери. Здесь слишком близко к пустыне.

– Считаешь, что может быть жарко?

– Опасаюсь.

Оскар нахмурился и кивнул.

– Я бы тоже девочек отправил к родне. Если уж ты забеспокоился...

Мужчины переглянулись, очевидно, подумав об одном и том же, и отсалютовали друг другу кружками.

– Бедняга Ахиор, – усмехнулся Оскар. – Вот ему не повезло.

– Думаешь, он надёжный?

– Он выжил в десятках миров!

– И потерял младенца...

– Моих девочек потерять сложно. Разве что он очень хорошо спрячется. И потом, Галла тоже не дурочка. Она опытный путешественник.

– Галла не поедет, – мотнул головой Опп-Вооз. – Она тебя не оставит.

– Думаешь? – исподлобья поглядел Князь Времени. – А мне кажется, нам стоит... ей стоит отдохнуть от меня. Она несчастна.

– С чего ты взял?

– Чувствую.

– Она тебя обожает.

– Я знаю. Но это не мешает ей быть несчастной.

– Слушай, совета я тебе не дам, – скривился Опп-Вооз. – У меня с женщинами никакого опыта.

– А Сола?

– Что Сола? Я ее просто люблю.

– Разве это не главное?

– Я не знаю, – вздохнул Опп-Вооз. – Я с ней ненастоящий. Дурак я с ней сопливый. Знаю, что нужно быть жёстче, а не могу. Если ее рядом нет, то я думаю: убью засранку. Или зацелую. А сам даже дотронуться боюсь.

– Это ты зря. Как потом будешь? В брачную ночь?

– Не будет никакой брачной ночи. Я умру, я это чувствую.

– Совсем с ума сошел? Я тебе умру! Ты вождь. Тебе нельзя умирать. Я запрещаю!

– На все воля Божья.

– Самый умный, да? Слушай... у тебя подходящее настроение. Я тоже не в духе. Как насчёт поединка? Мы с тобой давно не боролись.

– С радостью. Мне нужно... пока я еще на кого-нибудь не сорвался.

Они молча допили бутылку, а потом пошли во двор. Там было почти светло от света луны, и никого не было. Мужчины сняли обувь – так было удобнее обоим. Орт-Вооз скинул и отороченную мехом кожаную безрукавку, оставаясь только в холщевой нижней рубаше без рукавов. Князь завязал в узел длинные волосы откинул в сторону жилет, закатал рукава рубашки. Кто-то, выглянув в окно, увидел их, и тотчас пирующие выплеснулись во двор. Убедившись, что это лишь дружеский поединок, народ отшатнулся к стенам замка и затаил дыхание. Все жаждали зрелищ.

Сола, полчаса прорыдавшая на плече у хозяйки замка, при виде орка, который был едва ли не выше ростом, чем Князь Времени, и сложен был ничуть не хуже, выпрямилась и утерла слезы, радуясь, что в полутьме не видно ее опухших глаз. Она еще не была женщиной в полном смысле слова – взрослой умной женщиной, но интуитивно чувствовала, что Орт-Вооз, даже если буйствует, не причинит ей вреда. Да, он может быть страшен. Но она несколько раз видела, как впада-

ет в бешенство ее приёмный отец, слышала, какие мерзости он может говорить – и видела, как мать спокойно к этому относится. Аврора, ее мать, всегда прощала его, и успокоить могла, и дать отпор, а Павел, хоть и кричал, и вещи мог в ярости крушить, никогда не поднимал на жену руку. Если она знает Орра хоть немного, если хоть чуть-чуть понимает его – то увидев ее слезы, он будет еще больше расстроен, а добавлять ему неприятностей не время и не место.

Четыре руки с двух сторон обвили талию Сола. Две похожие друг на друга светловолосые девочки прижались к ней.

– Спорим, что папа опять победит? – лукаво улыбнулась Ева.

– Потому что он всегда жульничает, – буркнула Соломея, обнимая девочек за плечи. – Он поворачивает время.

– И что? Это его суперспособность. Как у всех супергероев, – Ола всегда была серьезней сестры. – У Орра тоже есть суперсила.

– Это какая же?

– Просто суперсила, не понимаешь, что ли? Он сильный.

– А, ну да. Орр очень сильный.

Сола не могла не любоваться женихом.

Орр и Оскар кружили, не сводя друг с друга глаз, чуть присев. Никто не спешил нападать первым. Наконец Орр-Вооз стремительно бросился на противника, целясь кулаком в живот. Оскар поднырнул под его руку, хватая орка за бедро и пытаясь повалить. Противники кубарем покатались по

земле, а потом отскочили друг от друга. Оскар прыгнул вперёд, махнув рукой и одновременно ударяя орка ногой под коленку, но тот разгадал его манер и вцепился в рубашку противника, подставляя плечо и перекидывая того через спину. Впрочем, Князь ухитрился ухватить орка за шею и резко потянуть за собой. Тот кувыркнулся через голову и подпрыгнул как мячик, довольно сверкая зубами.

– Ты хорош! – выкрикнул он.

– Опыт, – улыбнулся коварно Оскар и неожиданно замахал кулаками так быстро, что орк едва успевал блокировать удары.

Противники были равны силой, сходились в поединке не первый раз и старались ничего друг другу не повредить. Схватка была скорее красивой, чем жестокой. Сола смотрела с восторгом, иногда вскрикивая в особо страшных моментах. Девочки с двух сторон прыгали и орали во все горло, поддерживая отца.

Наконец противники поклонились друг другу и крепко обнялись. Оба тяжело дышали. У Оскара ко лбу прилипли волосы, и рубашка была порвана в клочья. Каких-то видимых повреждений не было. Орт-Вооз стащил рубаху, демонстрируя бугристые мышцы груди и живота, и утирал пот с лица и шеи. Женская половина зрителей смотрела на него с явным интересом. А он по привычке нашёл взглядом свою Солю и хотел ей улыбнуться, но вспомнил, что сам же решил оттолкнуть ее, и отвернулся. Сола заметила и этот взгляд, и

гримасу на его лице, закусил губу, но подойти не решилась, тем более, что Орт-Вооз уже надел свою безрукавку и разговаривал с Ахиором.

– Лучший боец из всех, кто мне встречался, – заявил Оскар дочерям с самым довольным видом. – Вы за меня переживали, девочки? Сердце мое, – он подхватил одну дочь на руку, – душа моя, – подхватил вторую.

– Оскар, они уже большие, – укорила его Галатея. – Спину сорвешь!

– Если уж я из боя с этим монстром вышел невредимым, то теперь и подавно ничего не сорву. Женщина, ты и вправду считаешь меня таким слабаком?

Он наклонился и поцеловал жену в лоб – все же она была существенно ниже, и Соломея немедленно захотела, чтобы Орт-Вооз тоже подошёл к ней, как он сделал бы это еще вчера. Но Орт-Вооз ее отталкивал от себя, и это было обидно и горько.

– Дай ему остыть, – шепнула Галла девушке. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Но она ошиблась: Орт-Вооз так и не подошёл больше к невесте, а наутро ей сказали, что он уехал. Сола по-настоящему расстроилась. Орк всегда был очень внимателен к ней, и подобное пренебрежение было словно пощёчина.

– Это потому, что я слишком распутная, – жаловалась она Галле. – Он хотел скромную невесту, а я предложила ему себя. Мне так стыдно, Галла!

– Ой, нашла чего стыдиться, – удивлялась хозяйка Цитадели. – Я уверена, он понял все правильно. Орр так на тебя смотрит... Как только он вообще вытерпел и не сделал тебя женой давным давно? Но ведь ты сама столько раз говорила, что не хочешь его. Радуйся теперь, твои желания исполнились. Поедешь к эльфам, посмотришь на своих соотечественников.

По лицу Галатеи было совершенно ясно, что она сородицей терпеть не может, хотя вслух она об этом никогда не говорила. Из всего народа эльфов ей нравилось с десятков человек, впрочем, нравилось – слишком громкое слово. Она как брата любила Аарона, которого "плохому учила", да еще велла переписку с Авророй, матерью Соломеи, и, пожалуй, все. Теперь в ее ближний круг добавился и отец. Жаль только, что он уже вполне пришел в себя и скоро собирался уехать.

Галле даже орки нравились больше, чем эльфы, впрочем, здесь она была пристрастна. Лучшей подругой ее была Орра-Ла, которая, в отличие от местных, не стеснялась высказывать свое мнение и громко ругаться, если ей что-то не нравилось. Женщины Цитадели ее не любили, но боялись громогласной крупной орчихи, а она терпеть не могла "этих лицемерных святош" и никого не боялась. Если бы у Галлы была подруга из эльфов, возможно, она бы научилась ладить и со своим народом, узнала бы их хорошие стороны, поняла бы традиции и характер. Но нормальных эльфов здесь не было, не Аарона же, в самом деле, считать нормальным! Он

был святой, а еще безумец, и Ахиор, судя по всему, был из того же теста.

Так и вышло, что об орках Галла могла судить только по Орре и ее младшему брату, а они были действительно уникальными. К тому же в ближних орочьих деревнях жили наиболее цивилизованные представители этого народа. Многие учились в свое время в людских школах и владели ремеслами. Но большая часть орков жила все же в Пустошах, и там они жили все еще как дикари – в глиняных хижинах или пещерах, и мечтали только о войнах и о славе.

Немного успокоив свою воспитанницу, Галла отправилась на поиски супруга; ей тоже было интересно, что происходит с Орр-Воозом. Но Оскар хотел поговорить с ней совсем о другом.

– Галла, – он обнял свою миниатюрную жену, пряча ее в больших руках. – Ты не хочешь навестить мать? Вместе с девочками?

– Нет.

– А если я попрошу?

– Все равно нет. Мне нечего там делать. Может, потом, через год-другой... когда они с Ахиором наглядятся друг на друга.

– Галла, я хочу, чтобы ты уехала к эльфам, – прямо сказал Оскар, понимая, что жена будет юлить до последнего.

– Зачем?

– В землях орков неспокойно. Орр-Вооз боится восста-

ния. Сама понимаешь, мы на границе. Если орки пойдут воевать – начнут с Цитадели.

Галла замерла, задумавшись. Первая мысль была – уехать. Прочь от лицемерия, от людей, которые ее так и не приняли, от бессмысленной жизни здесь. Путешествовать. Радоваться жизни. Поглядеть новые города. В этот раз все будет по-другому. Ее никто не будет преследовать, никому она не нужна. Эпицентр событий где-то далеко, к тому же есть Опп-Вооз, который примет на себя первый удар. Но...

– Я больше от тебя никогда не уеду, – сказала женщина, утыкаясь лбом в его грудь – как раз напротив сердца. – Если будет война, я разделю ее с тобой. Если тебе суждено погибнуть, я умру с тобой. Я не хочу больше потерять тебя, я уже умирала одна. Это страшно.

Оскар молчал. Он предпочёл бы знать, что она в безопасности, но против ее выбора идти не хотел. К тому же Галла упрямая. Ее можно только связать и вывезти из Цитадели силой, но нет никаких гарантий, что она не вернётся.

– Да будет так, – он прижал ее к себе еще сильнее, будто понимая все ее мысли и терзания. Она всегда была рядом с ним. Боже святой, за что ему такая любовь?

– Девочек лучше увозить, – прошептала Галатея. – Солу ведь тоже отправляем в Багряную Чашу? Дадим Ахиору сопровождающих. Пусть уезжают.

– Да. Все женщины и дети из Цитадели пусть уезжают. Это будет правильно. И я, как глава Трибунала, затребую отряд

эльфов сюда. Ничего, не переломятся.

Глава 10. Ветер странствий

Аарону не спалось. Он собирался ехать в земли эльфов с девочками и Ахиором, это было хорошо, правильно. Но среди ночи его словно разбудила какая-то сила. Он подскочил, огляделся – нет, в его комнате никого не было. Пожал плечами и снова лег. Многолетние странствования научили его спать в любых условиях, порой даже впрок. В путешествиях может быть всякое. Случалось ему и неделю не спать. Поэтому отдыхом он никогда не пренебрегал. Тем удивительнее было его состояние.

Он вытянулся на удобной постели и закрыл глаза, но сон бежал от него. Аарону казалось, что он прямо сейчас теряет что-то важное.

– Что Ты хочешь, чтобы я сделал, Господи? – обратился он к Тому, кто всегда давал ему ответ.

Поднялся, выглянул в окно. Во дворе при слабом свете фонаря собирался уезжать орк. Его провожал один хозяин Цитадели. Орт-Вооз преклонил перед Оскаром колени, а тот положил на голову руки и, вероятно, благословил.

Ясно. Аарон увидел в этом знак.

Он никогда не шёл против знаков. Вздохнул, оделся, собрал свой берестяной короб с самым необходимым, закинул его на плечи и крадучись вышел из комнаты. Заглянул к Ахиору:

– Я ухожу с Орт-Воозом, – сообщил он сонно моргающему эльфу. – Прости. Я очень хотел побеседовать с тобой в дороге, но Господь хочет, чтобы я шёл с орком. К тому же с вами будет Геракл. С ним безопасно.

– Понял тебя, – зевнул Ахиор. – Удачи.

Он тоже никогда не спорил со знаками судьбы. Ахиор понимал своего собрата как никто другой. Ему была знакома тяга к странствиям. Жаль, конечно, что Аарон уходит. Не будет этого удовольствия неспешной беседы в дороге. Но если так нужно – ничего не сделаешь.

Аарон догнал Орт-Вооза в нескольких перелётах стрелы от Цитадели.

– Стой, рожа бандитская, – окликнул он орка. – Меня подожди.

– Ара? Ты зачем здесь? – орк смерил незваного спутника каким-то мудро-усталым взглядом. – Я что-то забыл?

– Да. Меня. Я с тобой.

– Ара, у меня дурные предчувствия, – покачал головой Орт-Вооз. – В Пустошах смерть. Остановись.

– На все воля Божия, – легкомысленно пожал плечами эльф и пустил коня в ногу с лошадю орка. – Я лепёшки взял, будешь?

– Буду, – кивнул Орт-Вооз.

Хочет этот эльф разделить с ним смерть – пусть будет так. Аарон, в конце концов, старше его на пару веков. Сам знает, что делает. А хороший целитель никогда лишним не будет.

Они ехали молча почти до самого рассвета, потом орк остановился на привал у большого дуба.

– Почему здесь? – бесцветным голосом спросил Аарон. Он это место не любил: слишком много силы. Захлебывался.

– Мне надо, – неопределённо ответил Орт-Вооз, расчищая родник у корней дерева. – Будешь?

– Тут могила внизу, – нервно напомнил эльф. – Ну его... не рискну.

– А я люблю здесь. Мозги прочищаются. Ара, ты умирал. Что там, после смерти? Бог есть?

– Свет точно есть, Орт. Но не все к нему идут.

– Ты пошел?

– Нет.

– Почему?

– Я был нужен здесь.

– И тебе не хотелось туда... к Нему?

– Хотелось. Мне было очень страшно. Но моего мнения не спросили.

– Как думаешь, а я, когда умру... я могу попасть в рай?

– А что тебе мешает? – Аарон в растерянности смотрел на угрюмого Орт-Вооза.

– У орков нет рая. Только небытие. Прах к праху. И ада нет. Ничего нет.

– Это... пугающе. Но и успокаивает. Нет ада – нет вечных мук.

– Я верю в твоего Бога, Ара. Но я не попаду в рай. Значит,

ад?

– Почему не попадёшь?

– Я убивал.

– И я убивал. Защищался. Жизнь – дар Всевышнего. Нужно ее хранить. Когда встаёт вопрос – ты или тебя... Я мужчина, я таким создан. И ты – мужчина. Иногда приходится убивать. Не ради удовольствия. Ради жизни. Так устроен человек... и эльф, и орк: для него своя жизнь – самая ценная.

– Для меня нет. Для меня есть более важные вещи. Мой народ, например. Или Соль. Или друзья. Если встанет выбор – я или они...

– Орт-Вооз, я видел много смельчаков, которые в критических случаях выбрали свою жизнь, и видел трусов и слабаков, которые отдали душу за других. Даже я сам не знаю, что будет, если поставить меня перед выбором.

– Потому что вы, эльфы, изнеженные цветочки, – фыркнул орк раздражённо. – Мы вас сильнее.

– Не спорю, – мирно согласился Аарон. – Поэтому мы и ищем мира. Вы и в самом деле сильнее. Не физически. А тем, что безжалостные твари, не знающие милосердия.

– Я не такой, – отвернулся орк.

– Поэтому я еду с тобой, верно? Я ответил на твои вопросы?

– Ты сделал мою жизнь сложнее.

– Вот и хорошо. Сложности способствуют развитию.

– Что-то по оркам незаметно, – с горькой насмешкой от-

ветил Орт-Вооз.

– Ну да. Я имел в виду, умственные сложности... ой, ладно. Ты меня понял.

– Да. Поехали?

Больше вокруг не было никаких деревьев, даже трава закончилась, только сухие острые стебли и пыль. Не самая приветливая земля у орков. Неудивительно, что они и народ такой же, как их земля – грубый, жесткий и бескомпромиссный. Тут можно лишь быть агрессивным – или умереть. Но Орт-Вооз был с Аароном не согласен.

– Земля не так уж и плоха, – говорил он. – У воды все растет как бешеное. Там тростник сахарный. Сейчас разгар лета, сейчас сухо. А зимой дожди. Что нам мешает зимой выращивать овощи? Женщины, кстати, так и делают. А какие тут, в нижних Пустошах, луга заливные! Если сделать плотину, то можно сады сажать. Только кому это надо, плотины делать?

– Тебе? – предположил эльф, позевывая. – Я в тебя верю, Орт. Вперед, к цивилизации!

Орк посмотрел на него едва ли не с ненавистью. Он любил Аарона, но его легкомысленные шуточки порой страшно его бесили. Эльф вообще не понимал, в чем проблема – да и куда ему! Он и в Пустошах-то не был, только по краю иногда ездил. Ничего, теперь побывает. Посмотрит, что такое орки.

Если бы Орт-Вооз мог предположить, насколько он окажется прав! Его мысли оказались буквально пророческими.

Солнце стояло в зените. Палило нещадно. Орк был привычен к жаре, но и ему казалось, что все вокруг плывет. Бедный эльф, родившийся в лесах, едва не терял сознание, держась на лошади из последних сил. Орр обещал, что через пару часов они достигнут деревни, где останутся до ночи. Аарон неплохо владел оружием, был ловок и стрелял отменно, и оттого мнил себя воином. А воины, как известно, не ноют и не падают в обморок от жары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.